

- логічного семінару, Чернігів – Шестовиця, 20–23 липня 2006 р. / Інститут археології НАН України, Чернігівський державний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка, Інститут археології та стародавньої історії Північного Лівобережжя ; ред.: П. П. Толочко, А. А. Горський, М. Дімнік, В. О. Дятлов, В. П. Коваленко, О. Б. Коваленко, О. П. Моцяю – Чернігів : Сіверянська думка, 2006. – С. 115–122.
10. Лупиненко, Ю. М. Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) / Ю. М. Лупиненко, О. А. Макушников // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – Вып. 15. – С. 140–154.
  11. Медведев, А. Ф. Оружие Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). – М., 1959. – № 65. – 121–191.
  12. Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев. – М. : Наука, 1966. – 184 с.
  13. Плавінські, М. А. Войска Полацкага княства ад часоў Рагвалода да эпохі Усяслава Чарадзея / М. А. Плавінські. – Мн. : Галіяфы, 2012. – 48 с.
  14. Родина. – 2002. – № 11–12.
  15. Фёдоров, О. В. Комплекс вооружения воинов Хазарского каганата / О. В. Фёдоров, Н. А. Плетнёва // Цейхгауз. – 2006. – № 22. – С. 2–5.
  16. Худяков, Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. / Ю. С. Худяков. – Новосибирск : Наука, 1980. – 176 с.
  17. Черненко, Е. В. Скифский доспех / Е. В. Черненко. – Киев : Наукова думка, 1968. – 192 с.
  18. Oakeshott, E. The Archaeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry / E. Oakeshott. – Boydell Press, 1999. – 358 p.
  19. Wijnhoven, M. A. The equipment of a Germanic warrior from the 2nd–4th century AD: Digital reconstructions as a research tool for the behaviour of archaeological costumes / M. A. Wijnhoven, A. Moskvina, M. Moskvina // Journal of Cultural Heritage. – 2021. – Vol. 49. – P. 48–58.

Вовк О. И.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХАРЬКОВА: ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАКОВ КОММЕМОРАЦИИ В СТОЛЕТНЕЙ ПАНОРАМЕ

Ключевые слова: мемориальная доска, Харьков, коммеморация, политика памяти, «место памяти».

Мемориальные доски являются одними из наиболее многочисленных знаков коммеморации в современных городах Восточной Европы: например, в Харькове их насчитывается более пятисот. Эти объекты средствами вербальной и визуальной выразительности способствуют формированию представлений о городе у его гостей и жителей, несмотря на целый ряд неизменно присутствующих им ограничений. В частности, малый линейный размер в ряде случаев влечет за собой

снижение аттрактивности; невысокая стоимость установки приводит к лавинообразному увеличению количества досок в городском пространстве, что осложняет их учет и контроль за сохранностью и др. При этом важно отметить, что так как мемориальные доски в большинстве своем устанавливаются по инициативе жителей конкретного города или региона, то они отражают эстетические предпочтения и мировоззренческие ориентиры этих людей [см. 2].

Проследим, каким образом эволюционировали подходы к визуальному оформлению и содержательному наполнению мемориальных досок, установленных в Харькове за сто минувших лет. Впервые подобные «места памяти» появились на улицах города в 1928 г. и были посвящены выдающемуся физиологу, выпускнику Харьковского университета, Нобелевскому лауреату И. И. Мечникову [3]. До Второй мировой войны такие знаки коммеморации на улицах города были единичными, а их оформление отличалось лаконичностью. Так, доски, установленные до середины XX в., как правило, содержали только текстовую надпись без каких-либо дополнительных графических или скульптурных изображений, а их авторская принадлежность в большинстве своем остается неизвестной.

Начиная с 1960-х гг. визуальное оформление досок постепенно становится все более насыщенным, а до конца XX ст. «текстовые» доски в Харькове практически полностью были вытеснены «изобразительными» [подробнее о типологии см. 2]. Причем объекты, установленные на рубеже XX–XXI вв., стали отличаться большей смысловой детализацией визуальных образов, использованных в оформлении. Часто проекты мемориальных досок были разработаны известными скульпторами из Харькова и других городов Украины (А. П. Владимиров, Н. Ф. Овсянкин, А. Н. Ридный, И. П. Ястребов и др.). Но в то же самое время на стенах харьковских зданий все чаще стали появляться знаки коммеморации, выполненные на темных каменных плитах в технике фотокерамики, которая традиционно используется при оформлении надгробий.

Начиная с 1970-х гг. в Харькове стал фиксироваться неуклонный рост числа вновь открытых мемориальных досок, а на рубеже XX–XXI вв. процесс стал поистине лавинообразным. Например, в 1970-е гг. было установлено 5 досок; 1980-е гг. – 24; 1990-е гг. – 42; 2000-е гг. – 107; 2010-е гг. – 271 [см. 4]. При этом на рубеже веков значительно увеличилось количество уничтоженных или поврежденных мемориальных досок. При этом в 1990-х гг. в Харькове это были скорее проявления бытового вандализма, а не идейного противостояния, так как доски в этот период преимущественно воспринимались как нейтральные знаки коммеморации. Но уже в 2000-х – 2010-х гг. они

стали одним из маркеров идеологической поляризации общества, а процессы установки и снятия некоторых объектов вызвали значительный общественный резонанс, что в итоге усугубляло противостояние между контрверсионно настроенными группами населения.

На некоторых установленных в конце XX – начале XXI в. мемориальных досках были указаны инициаторы и заказчики их установки. То есть доски начали дополнительно выполнять функцию инструмента самопрезентации этих и других организаций в городском пространстве. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в конце XX в. начали складываться «корпоративные» комплексы мемориальных досок, которые стали украшением исторических и современных территорий ряда харьковских учреждений и организаций (в частности, вузов) [1; 7].

подавляющее большинство досок, во все времена установленных в Харькове, имела тексты, написанные на украинском языке; на втором месте по распространению был русский язык. В XXI в. тенденция в целом сохранилась, однако в ряде случаев на досках начал появляться параллельный текст языках других народов мира (иврит, латышский, литовский, польский и т.д.).

В Харькове за все время установлено больше досок в честь героев Второй мировой войны (127), деятелей науки (97), культуры и искусства (87). При этом доски в честь женщин в количественном отношении значительно проигрывают «мужским»: в общем массиве их количество сейчас не превышает 3% [4].

С топографической точки зрения личные мемориальные доски в Харькове представлены неравномерно: в основном они сконцентрированы в центре города. В «спальных районах» в основном установлены доски в честь местных жителей, участвовавших во Второй мировой войне [5] или погибших во время других военных конфликтов – в частности в войне в Афганистане или в ходе АТО-ООС на Востоке Украины [6]. В то же время, в этих же более или менее отдаленных районах мемориальные доски устанавливаются на территории расположенных здесь предприятий, научных институтов, больниц, спортивных учреждений и других учреждений производственной и непроизводственной сферы. В известной степени именно они определяют микроуровневую специфику «пантеонов» местных героев.

Что касается центральной части Харькова, то топографическое распространение мемориальных досок здесь в большей степени подчинено логике исторического развития мегаполиса. Так, в старой части города (улицы Университетская, Рымарская и т.д.) установлены доски в честь деятелей конца XVIII – начала XIX в. (среди них – философ Г. С. Сковорода, основатель Харьковского университета В. Н. Каразин, харьковский городской голова Е. Е. Урюпин). Этот же район, а начало

улиц Сумской, Пушкинской и Полтавского Шляха с прилегающими к ним улицами, застройка которых продолжалась в XIX – начале XX в., в большей степени стали местом увековечения деятелей соответствующего периода. Преимущественно это были представители университетской науки, образования, культуры, общественные деятели (филолог А. А. Потебня, историк Д. И. Яворницкий, хирург А. И. Подрез, математик А. М. Ляпунов, политический деятель Н. И. Михновский и др.) [4].

Развитие Харькова в первой половине XX в., которое продолжилось преимущественно в северном направлении (дальняя часть улиц Сумской и Пушкинской, площадь Свободы и район по Госпромом и т. д.), определило перечень лиц, жизнь которых была связана с этими районами и имена которых позже были здесь увековечены. Среди них были советские политические, партийные и военные руководители (маршал В. К. Блюхер, заместитель председателя СНК СССР В. И. Межлаук и др.), но в большей степени – инженерно-технические работники, представители творческой интеллигенции (конструкторы-танкостроители М. И. Кошкин и К. Ф. Челпан, писатели П. Г. Тычина, О. Вишня и В. Чечвянский и др.). Во второй половине XX – в начале XXI вв. в этих же районах продолжали жить и работать как известные деятели литературы, культуры и искусства (актер Л. Ф. Быков, поэт Б. А. Чичибабин и др.), так и ученые (академики – физик Б. И. Веркин, астроном Н. П. Барабашов, математик А. В. Погорелов, врач Л. Т. Малая и др.), что и отразилось в спектре установленных здесь мемориальных досок [4].

Можно сказать, что размещенные в центре Харькова общественные заведения, так же как и организации, расположенные «на периферии» города, выступают ощутимыми «центрами притяжения», на территории которых сконцентрировано значительное количество мемориальных досок. Большинство из них было установлено в первые два десятилетия XXI в. Можно предположить, что данная тенденция является одним из проявлений характерной для большинства городов современной Украины борьбы за символический капитал, который потенциально может быть конвертирован в другие виды капитала и в перспективе сможет принести его обладателю ощутимые дивиденды.

1. Боброва, М. І. Харківський університет в образотворчому мистецтві / І. М. Дончик, С. М. Куделко, О. Г. Павлова, С. І. Посохов ; за заг. ред. В. С. Бакірова ; наук. ред. С. І. Посохов. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2017. – 148 с.
2. Вовк, О. И. Мемориальные доски в социокультурном пространстве города: к вопросу о видовых признаках, функциональных особенностях и информационной насыщенности / О. И. Вовк // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / под ред. А. Н. Дулова [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 19–21.

3. Ефимов, Д. Памяти великого ученого / Д. Ефимов // Путь к здоровью. – 1928. – № 6. – С. 2–3.
4. Історія Харкова у пам'ятних дошках. Фактографічні та бібліографічні відомості 2015–2019 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://mevorydoskikharkov.blogspot.com/>. – Дата доступу: 17.09.2021 г.
5. Скрижалі історії Харкова. Т. 1 / О. І. Вовк [та ін.]. – Харків : Раритети України, 2020. – 400 с.
6. Скрижалі історії Харкова. Т. 2 / Г. А. Бондаренко [та ін.]. – Харків : Раритети України, 2020. – 400 с.
7. ТОВАЖНЯНСЬКИЙ, Л. Л. Навіки в пам'яті (меморіальні дошки НТУ «ХПІ») / Л. Л. ТОВАЖНЯНСЬКИЙ, В. І. Ніколаєнко, Ю. Д. Сакара, Р. О. Пономаренко. – Харків : НТУ «ХПІ», 2013. – 76 с.

Выпряжкин А. В.
САБЛИ КАВАЛЕРИЙСКИЕ ОБРАЗЦА 1817 ГОДА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: Национальный исторический музей Республики Беларусь, военная история, сабли, кавалерия, Российская империя, 1817 год.

В 1817 году в Российской империи принимается ряд новых образцов холодного строевого оружия для всех сухопутных родов войск. Во многом, это решение было связано с открытием в России первой фабрики специализирующейся на производстве именно холодного оружия – Златоустовской.

До этого момента нужды империи в холодном оружии восполнялись за счет заказов на Тульском оружейном заводе или за счет экспорта из-за рубежа. При этом нужно отметить, что Тульский оружейный завод специализировался прежде всего на производстве огнестрельного оружия, государственный заказ на которое не всегда исполнялся в полном объеме. Производство холодного оружия, таким образом, не имело первостепенного для завода значения, и, соответственно, не могло удовлетворить потребностей армии и флота.

Экспорт оружия из-за рубежа был явлением традиционным и массовым, прежде всего поступала продукция мастеров Золингена и Клингенталя. При этом нередко закупались только клинки, а изготовление эфесов и ножен проходило в Российской империи на том же Тульском заводе или у частных мастеров. На начало XIX в. импорт иностранных клинков в Россию был значительным [1, с. 157]. Однако поставки оружия из-за рубежа имели свойство уменьшаться или прекращаться в зависимости от политической ситуации. По этим причинам, Россия нуждалась в собственном центре производства холодного оружия.